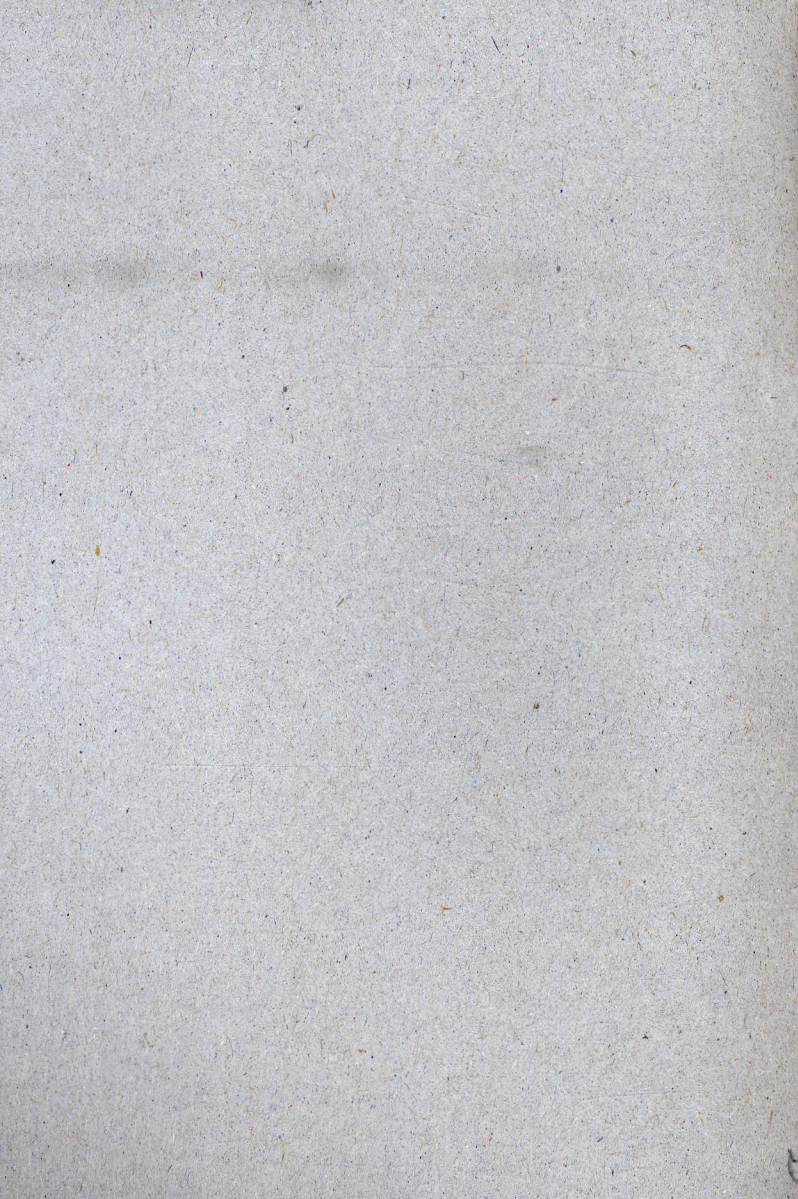

10 885-2(8) 18845

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое

КЪ КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ

ОБЗОРЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. РУДИНЪ.

Отдѣльный оттискъ изъ № 3 „Вѣстника Русской Революціи“.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ.

Львівська
наукова б

46.129

T3 (2) 5 - 283

01

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

из общего собрания при первом созыве

КР. КРАСНЫМ ЦВЕТУ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

А. ПУШКИН

Одобрено общим собранием № 3, 1928 г. Успенский, Василий

Институт биологии
научная библиотека

№

4930

КЪ КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

(Обзоръ текущей литературы.)

Первые годы наступившаго столѣтїя ознаменовались событіями первостепенной, общественной важности и открыли собой новую эру въ исторіи русской революціи. Въ нихъ, въ этихъ событіяхъ, надежный залогъ будущей, недалекой уже побѣды, прочная гарантія успѣшности революціонной работы, могучій стимулъ къ подъему революціонной энергіи. Отнынѣ есть надежда, что усилія друзей свободы и справедливости не разобьются уже о косность народной массы, а найдутъ въ ней откликъ. Она уже не спитъ: она ищетъ выхода. Недовольство разлилось вширь, охвативъ огромную территорію, и просочилось вглубь, въ самую почву, расшатывая фундаментъ, на которомъ держится существующій порядокъ. Событія недавняго времени и являются показателемъ того, что революціонное настроеніе нашло себѣ доступъ въ массы населенія.

Въ прошломъ году это были уличныя демонстраціи, сочувственно встрѣченныя широкими слоями горожанъ и заставившія русское правительство теперь открыто признать себя врагомъ народа, объявить почти всю страну на военномъ положеніи и вѣи закона. Ихъ значеніе достаточно оцѣнено въ революціонной литературѣ и революц. практикѣ. Въ нынѣшнемъ году къ нимъ присоединились крупныя аграрныя волненія. И городъ, и деревня заволновались. Годы пропаганды принесли свои плоды, и въ городѣ образовалась прочная преемственность идей, все нарастающая, благодаря разнузданной наглости царскихъ ставленниковъ, ихъ политикѣ произвола и гнуснаго насилія; та же политика царская, разорившая въ конецъ крестьянъ, подняла деревню. Послѣ цѣлаго ряда спорадическихъ, изолированныхъ вспышекъ, аграрныхъ бунтовъ, сопротивленій властямъ и т. п. „преступленій“, особенно участвовавшихъ за послѣднее время, крестьянское движеніе вступило въ новую фазу своего развитія—въ фазу сплошного, всеобщаго для многихъ деревень, порайоннаго возмущенія.

Мы считаемъ крестьянскій вопросъ и теоретически, и практически вопросомъ чрезвычайно важнымъ для русскаго революціонера, а работу среди крестьянъ необходимой и неотложной. Въ выпущенныхъ „Крестьянскимъ Союзомъ“ нашей Партіи воззваніяхъ къ интеллигенціи и къ крестьянамъ, читатель найдетъ подробную формулировку нашихъ взглядовъ и достаточно полно намѣченную программу нашей дѣятельности въ деревнѣ. Какія дополненія придется тутъ сдѣлать и какія детали внести или подчеркнуть—покажетъ, конечно, ближайшее будущее. Сейчасъ же намъ хотѣлось бы, въ виду важности вопроса и того пренебреженія, въ какомъ онъ до сихъ поръ находится у нѣкоторыхъ социалистовъ, обозрѣть съ точки зрѣнія крестьянскаго вопроса нѣкоторые произведенія социалдемократической литературы, отмѣтить въ ней кое-какіе новые штрихи и вновь указать на старыя недомолвки. Вопросъ теперь поставленъ ребромъ, и въ нихъ, въ недомолвкахъ и противорѣчіяхъ, пора, наконецъ, разобраться. Въ нихъ долженъ будетъ въ настоящее время разобраться каждый революціонеръ-социалистъ, и многіе уже стремятся къ этому: посильную помощь окажетъ имъ предлагаемая замѣтка.

Когда въ Россіи дѣлались попытки впервые устроить политическія демонстраціи (напр., въ 1896 г. въ Москвѣ — студентами; въ 1897 году въ Кіевѣ — социалистами-революціонерами вмѣстѣ со студентами, — это произошло помимо участія дѣйствовавшихъ тамъ социалдемократическихъ организацій. Утвердившись на томъ положеніи, что всякая экономическая борьба есть борьба политическая, эти организаціи спрятали куда-то подъ спудъ свои политическія desiderata и были застигнуты врасплохъ открытымъ и смѣлымъ требованіемъ политической свободы; а нѣкоторые комитеты (кіевскій и московскій) старались даже помѣшать успѣху демонстрацій, приглашая рабочихъ не ходить на нихъ и продолжать бороться въ мастерской, съ плутомъ-хозяиномъ. Это было очень странно, но сравнительно легко поправимо: это не помѣшало социалдемократіи en bloc сейчасъ же увлечься мирными демонстраціями, какъ главнѣйшимъ средствомъ борьбы съ царизмомъ, а затѣмъ, отрешиваясь отъ „экономизма“, заявить, что традиціи политической борьбы она восприняла непосредственно отъ своихъ предшественниковъ, народовольцевъ*).

Съ крестьянствомъ дѣло обстоитъ много хуже.

Въ томъ, что минувшія крестьянскія волненія оказались совершенной неожиданностью для русскихъ социалдемократовъ, нѣтъ ничего удивительнаго: удивительно было бы обратное. Какъ ни нелѣпо это, но для главной массы населенія страны, почти для

*) См. хотя бы брошюрку группы «Борьба»: Ю. Невзоровъ, „Отказываемся-ли мы отъ наслѣдства?“

100 миллионъ русскихъ труженниковъ земледѣльцевъ не нашлось мѣста въ программѣ дѣйствовавшей въ Россіи революціонной партіи. Крестьянинъ былъ просто изъятъ изъ обращенія, на него было наложено своего рода табу. Не чистый пролетарій и не эксплуататоръ, онъ не получилъ никакой роли въ заученной схемѣ общественнаго прогресса, и имъ не интересовались, какъ существомъ, навсегда застывшимъ на одномъ мѣстѣ, осужденному на экономической застой и политическое рабство. И поэтому быть деревни и ея мнѣнія оставались чуждыми дѣйствовавшимъ социалдемократамъ, а перемѣны въ ея настроеніи не находили никакого отклика, до тѣхъ поръ, пока, по выраженію внутреннего обозрѣвателя изъ „Зари“ (№ 4), практика не „подвинула насъ (социалдемократовъ) вплотную къ этому вопросу“.

Но вотъ деревня заволновалась. Крестьянинъ, такъ или иначе, несомнѣнно выступилъ на арену борьбы, — и крестьянина пришлось всунуть туда, гдѣ ему нѣтъ мѣста, пришлось говорить о томъ, о чемъ говорить трудно. Тотъ же Невзоровъ, расписываясь заднимъ числомъ въ полученіи наслѣдства, глухо говоритъ: „впослѣдствіи*) русская социальная демократія тоже заявила, что она ставитъ себѣ цѣлью вовлечь въ русло всемірно-историческаго движенія крестьянство.“ Но увы!—это „впослѣдствіи“ нисколько не измѣняетъ дѣла, и положеніе читателя, который захотѣлъ бы уяснить себѣ взгляды партіи на крестьянскій вопросъ, остается поистинѣ плачевнымъ. Онъ встрѣтится въ литературѣ или съ огульными утвержденіями, лишенными реального содержанія и упраздняющими русскую дѣйствительность, или же съ „ересью“, противной „научному“ пониманію и упраздняющей социалдемократизмъ. И запытавшись въ этой разногласіи еще основательнѣе, чѣмъ раньше, по другимъ вопросамъ, онъ не можетъ не спросить съ недоумѣніемъ еще разъ, — какъ и раньше: что же такое социалдемократъ? и кто изъ нихъ въ концѣ концовъ „настоящій“? Прежде на это отвѣтить трудно было потому, что социалдемократія еще не сложилась, а теперь—потому, что она разложилась, распалась на мелкіе осколки, которые должны изображать собою единую „партію“. Само собою разумѣется, это разложеніе не такъ замѣтно среди товарищей-социалдемократовъ, занятыхъ дѣломъ на родинѣ, въ средѣ городского пролетаріата, гдѣ они, въ отмежеванной себѣ области, выполняютъ свою долю общереволюціонной работы, — хотя и здѣсь, на родинѣ, наблюдалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ возникновеніе соперничающихъ и несогласно дѣйствующихъ организаций. Но русская заграничная социалдемократія, занимающаяся больше теоретическими вопросами и издающая много

*) Дальше мы еще вернемся къ вопросу о наслѣдствѣ и, въ частности, къ тѣмъ страннымъ сужденіямъ, которыя высказываетъ авторъ, говоря объ отношеніи къ крестьянству социалдемократовъ и народовольцевъ.

литературы этого направления, может быть лишь въ условномъ смыслѣ названа представительницей „партіи“. Безконечные споры, доходящіе до некрасивыхъ личныхъ выхонокъ, съезды и разъезды, объединенія и раздѣленія съ послѣдующимъ почкованіемъ и съ общей тенденціей къ дробленію — все это признаки „варенія въ собственномъ соку“, симптомы внутренней несостоятельности направленія, не всегда сохраняющаго даже вѣншее единство. Такое положеніе, конечно, не можетъ длиться безъ конца, и печальное по своей длительности зрѣлище социалдемократическихъ превращеній и приспособленій рано или поздно прекратится: изъ отдѣльныхъ кусочковъ, изъ „Союза“, „Лиги“, „Свободы“, „Жизни“, „Борьбы“ и другихъ имѣющихъ, быть можетъ, народиться группа, сложится что-нибудь теоретически болѣе цѣльное и практически болѣе приспособленное къ русской дѣйствительности. Жизнь заставитъ пересмотрѣть нѣкоторые коренныя положенія социалдемократической доктрины; изъ вопросовъ же, требующихъ этого пересмотра, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежить, несомнѣнно, вопросу крестьянскому.

Чтобы показать всю силу запрета, много лѣтъ тяготѣвшаго надъ крестьянствомъ и надъ дѣятелями, обращавшими къ нему свои взоры, достаточно будетъ, не воскрешая далекой старины, привести слѣдующія выдержки изъ статьи „Русскій социалдемократизмъ и крестьянство“, помѣщенной въ № 2 „Жизни“. Авторъ статьи — подписанной „Голосъ изъ деревни“ — считаетъ нужнымъ, заговоривъ о крестьянствѣ, обратиться къ товарищамъ съ просьбой, чтобы они не заподозрили у него „отрицательнаго отношенія къ нашему молодому русскому социалдемократизму“, и даже спрашиваетъ своихъ товарищей революціонеровъ: „чѣмъ помѣшаетъ, чѣмъ можетъ помѣшать русскому социалдемократизму широкое крестьянское движеніе?“ Такъ говорить человѣкъ „живущій въ деревнѣ съ малыхъ лѣтъ“, стало быть, заинтересованный въ ея судьбѣ и имѣющій нѣкоторый авторитетъ въ вопросахъ деревенскаго быта. Онъ проситъ революціонеровъ разъяснить ему, можетъ ли помѣшать революціи революціонное движеніе среди крестьянъ? — другими словами, получить ли санкцію отъ социалдемократіи стремленіе труженниковъ, составляющихъ $\frac{4}{5}$ всего населенія, завоевать себѣ лучшую долю, или оно, это стремленіе, способно какъ-нибудь подорвать престижъ социалдемократіи и потому не заслуживаетъ вниманія? Право, вчуужъ обидно, что возможно такъ третировать социалдемократію: отсюда, вѣдь, одинъ шагъ до признанія того, что не революціонная партія существуетъ для народа, а народъ долженъ поступаться своими интересами для поддержанія партіи, ведущей свою линію! Но „Голосъ изъ деревни“ можетъ успокоиться. *Теперь* онъ будетъ услышанъ, хотя и не тамъ, куда онъ обратился, и не настолько, какъ ему бы хотѣлось. О чемъ же онъ говоритъ, и что ему отвѣтила „Жизнь“?

Въ самомъ же началѣ своего интереснаго „письма въ редак-

цію“ неизвѣстный авторъ заявляетъ, что русскому крестьянству необходимо „отвести одно изъ главныхъ мѣстъ въ организациі“. Онъ говоритъ:

«Я не знаю, какъ и когда безъ помощи русскаго крестьянства можемъ мы достигнуть побѣды надъ самодержавіемъ, я не могу себѣ представить безъ него фактической возможности бороться съ необъятной, безсознательной арміей штыковъ...»

И дальше:

«... безъ его широкаго участія я не могу себѣ представить окончательнаго паденія со ружейнаго строя Россіи... Что же касается до возможности поставить массу сельскаго населенія противъ самодержавнаго правительства, то, мнѣ думается, таковая возможность существовать въ настоящее время въ большей степени, чѣмъ когда-либо».

Приведя затѣмъ кое-какія фактическія и логическія доказательства этой возможности и сославшись на переѣзду въ настроеніи крестьянства за 15—20 лѣтъ, имѣя самымъ констатированную, авторъ заканчиваетъ письмо такъ:

«Я не могу себѣ представить русскую революцію безъ полнаго измѣненія формъ земельного владѣнія, безъ полной перетасовки земельной собственности. Только такая перетасовка и дастъ основу революціи, ибо она приведетъ въ столкновеніе съ самодержавіемъ весь слой русскаго крестьянства...» «Такимъ образомъ, въ настоящій моментъ необходима общая и ясная программа для всего сельскаго населенія—и программа эта коротко и вѣдѣмъ понятно выражается въ словѣ «земля», объединяющемъ всѣ элементы деревни».

Какъ видно изъ приведенныхъ выписокъ, въ письмѣ этомъ не только „при желаніи можно найти немало „ереси“, — какъ выражается В. Поссе.—но оно почти сплошь состоитъ изъ „ереси“, да и напечатано оно въ „Жизни“ только потому, что „къ крестьянскому вопросу у социалдемократіи до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ опредѣленнаго отношенія“. И недаромъ В. Поссе не можетъ оставить письмо товарища безъ возраженія, не даромъ изъ-за стѣнъ редакціи, такъ хорошо консервирующихъ чистоту воззрѣній, онъ шлетъ свой отвѣтъ деревенскому практику, на котораго со всѣхъ сторонъ напираетъ еретическая жизнь. Но если редакція журнала, печатающая статью о „Русскомъ социалдемократизмѣ и крестьянствѣ“, оказываетъ услугу „свободному“ и „широкому“ обсужденію вопроса, то, спрашивается, хорошо ли поступаетъ В. Поссе, который спѣшитъ отвѣтить, не уяснивъ себѣ, какъ слѣдуетъ дѣлать, не имѣя „вполнѣ опредѣленнаго“ мнѣнія? Въ лучшемъ случаѣ—этотъ отвѣтъ не нуженъ: онъ ровно ничего не привнесетъ для рѣшенія вопроса и ограничивается повтореніемъ старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ теоретическихъ положеній, т. е. именно того, что нуждается въ пересмотрѣ и дополненіяхъ; а въ худшемъ... не усилить ли Поссе своей торопливой „замѣткой“ существующую уже „смуту“ умовъ? не повредить ли онъ въ свою очередь престижу социалдемократіи, повторяя при новыхъ условіяхъ старыя рѣшенія и выдавая социалдемократизму свидѣтельство о не-

состоятельности въ то время, когда другіе его единомышленники „на всѣхъ безъ исключенія і“ ставятъ точки*)? Хотя Поссе, какъ и подобаетъ человѣку, не имѣющему „вполнѣ опредѣленнаго“ взгляда, и заявляетъ себя сторонникомъ золотой середины и говоритъ, что значеніе деревни не слѣдуетъ ни уменьшать, ни преувеличивать, но сущность его замѣчаній сводится именно къ умаленію роли крестьянства въ предстоящей революціонной борьбѣ. Пропагандой и агитаціей въ деревнѣ можно, конечно, заниматься, но такъ, чтобы крестьяне довольствовались демократическими требованіями, которыя „цѣликомъ могутъ быть поняты и приняты мелкимъ крестьянствомъ“. Если мы спросимъ, съ какихъ это поръ крестьянинъ надѣляется способностью „цѣликомъ понять и принять“, т. е. получаетъ отъ представителей социалдемократіи аттестатъ политической зрѣлости,—читатель навѣрное затруднился бы отвѣтомъ. Другое дѣло—почему: отвѣтъ тутъ ясенъ. О крестьянствѣ теперь нужно что нибудь сказать, и для крестьянства нужно что-нибудь имѣть,—такъ лучше ужъ принять на душу эту маленькую ересь, чтобы избѣжать, съ ея помощью, шекотливыхъ разговоровъ о „землѣ“, на которую наложенъ строжайшій запретъ. Въ качествѣ „научнаго“ социалиста, Поссе „не можетъ и не долженъ“ обѣщать никакихъ „прирѣзковъ“, потому что осуществленіе социалистическаго строя возможно лишь путемъ предварительнаго отдѣленія отъ производителя орудій производства, т. е. крестьянъ-собственниковъ отъ земли. А еще лучше, пожалуй, оставить крестьянъ совсѣмъ въ покоѣ и обратиться къ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ, къ которымъ „мы прежде всего должны идти съ нашей пропагандой“: „вѣдь и среди нихъ дѣло только еще начато“. Конечно, это такъ: пролетаріи скорѣе „сдѣлаются нашими товарищами“, чѣмъ собственники. Здѣсь можно бы только отмѣтить излишній пафосъ, въ который впадаетъ Поссе, противопоставляя пролетарскую психологію крестьянской, и который объясняется все той же свойственной доктринерамъ склонностью къ абстрагированію понятій и упрощенію сложныхъ феноменовъ. „Пролетарій любить жизнь во всей ея широтѣ, — говоритъ онъ, — любить людей, но не знаетъ рабской привязанности къ клочку земли...“ Чтобы правильнѣе оцѣнивать конкретныя явленія и, въ частности, выработать себѣ „опредѣленное отношеніе“ къ крестьянскому вопросу, В. Поссе полезно было бы подумать о томъ, дѣйствительно-ли не отвлеченный пролетарій, а массы нынѣшняго пролетаріата, въ противоположность крестьянству, „любятъ жизнь во всей ея широтѣ“? и дѣйствительно-ли крестьянинъ, оставаясь крестьяниномъ, не способенъ къ альтруизму? А затѣмъ ему не мѣшало бы помнить, что добрая половина русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ—собственники „клочка земли“, къ которому они питаютъ, если не рабскую, то все же сильную при-

*) См. Плехановъ: «Проектъ программы Р. С. Д. П.», «Заря» № 4.

вязанность, а сельскохозяйственные рабочіе—или тѣ же крестьяне (въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ), или, если и „любятъ жизнь во всей ея широтѣ“ и „любятъ людей“ всѣмъ сердцемъ,— все же упорно и не безъ основаній мечтаютъ о „ключкѣ“. Не безъ основаній—даже съ социалдемократической точки зрѣнія, ибо „увеличеніе числа рабочихъ, владѣющихъ землею, стало теперь однимъ изъ важнѣйшихъ условій существованія и дальнѣйшаго развитія интенсивнаго капиталистическаго земледѣлія“ и „капиталъ не находитъ теперь выгоды въ обезземеленіи“ крестьян*).

Но мы уклонились въ сторону, слѣдуя за Поссе, который неуклонно устраняется отъ крестьянскаго вопроса. Вѣдь, „Голосу изъ деревни“, да и всѣмъ читателямъ „Жизни“, прекрасно извѣстно, кто скорѣе могутъ „сдѣлаться нашими товарищами“, но ихъ интересуетъ вопросъ, какъ скорѣе достигнуть цѣли, одержать побѣду надъ „чудовишнымъ пережиткомъ прошлыхъ столѣтій“—бюрократическимъ самодержавіемъ. И вотъ, если „прежде всего мы должны идти“ къ сельскохозяйственнымъ пролетаріямъ, среди которыхъ „дѣло еще только начато“, то слѣдуетъ ли отсюда, что и теперь, послѣ массовыхъ агрессивныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ-собственниковъ, мы можемъ устранить отъ этого элемента? Поссе говоритъ:

«Рабочіе (т. е. пролетаріи), какъ городскіе, такъ и деревенскіе, немущая, трудящаяся интеллигенція, какъ городская, такъ и деревенская, наконецъ, учащаяся молодежь, часть которой сближается съ пролетаріями неустроенность ея жизни(?), вотъ среда, изъ которой вербуются и будутъ вербоваться социалдемократы. Если бы всѣ эти элементы стали на нашу сторону, то... современный полицейско-самодержавный строй не могъ бы удержаться».

Такимъ образомъ, крестьянъ нѣтъ въ этомъ перечисленіи элементовъ: они излишни и, значитъ, къ нимъ незачѣмъ обращаться. А если бы и не „всѣ эти элементы стали на нашу сторону“,—если бы кому-нибудь показалось долгимъ ждать, пока социалдемократы завербуютъ въ свои ряды весь пролетаріатъ и учащуюся молодежь, которую сближаетъ съ пролетаріями „неустроенность ея жизни“, или неправдоподобнымъ, чтобы это было возможно безъ коренной ломки существующаго порядка, —то и тогда, утѣшаетъ Поссе, современный строй можетъ рухнуть. Что же, его расшатаютъ проголодавшіеся деревенскіе пропріетеры, не дождавшіеся превращенія всѣхъ социалдемократовъ in spe въ дѣйствительныхъ социалистовъ? Нѣтъ,—рѣшеніе крестьянскаго вопроса, по Поссе, состоитъ въ устраненіи его; замѣна же правленія самодержавнаго правленіемъ конституціоннымъ „произойдетъ гораздо проще(!)“: „если „либералы“ хорошенько попросятъ конституціи, то имъ ее навѣрное дадутъ“.

Словомъ, все хорошо, что хорошо кончится! Будемъ уповать

*) См. Плехановъ, loc. cit.

на либераловъ, которые „хорошенько“ попросить, — это такъ — „просто“! Приведенные нами примѣры трудно устранимаго разномыслия одне случайны и цитированный выше мнѣніи по крестьянскому вопросу не одиноки въ социалдемократической литературѣ. Въ слѣдующемъ же номерѣ „Жизни“ (третьемъ) читатель найдетъ статью Д. Соскиса: „Экономическая политика Витте и революціонныя задачи дня“, которая, въ своей оцѣнкѣ текущихъ революціонныхъ задачъ и революціонной роли крестьянства, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ „письма“, подписаннаго „голосомъ изъ деревни“; и, конечно, разбуженная мысль на этомъ не останавливается, дѣло этимъ не ограничится. Съ другой стороны, примѣчанія, которыми редакція in corpore снабдила статью Соскиса, повторяютъ собственно уже извѣстныя намъ мнѣнія Поссе, въ нихъ только еще больше растерянности, да вотъ о либералахъ не упоминается, — хотя у революціонно настроеннаго Соскиса они фигурируютъ совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи, чѣмъ у оптимиста Поссе. Какъ будто обращаясь къ этому последнему, Соскисъ приводитъ стихъ Некрасова:

«Пожалуйста, не говори
«Про русское общественное мнѣніе...»

потому что „исторія періода борьбы „Н. Воли“ показала, что передъ лицомъ революціи классовой инстинктъ въ нашемъ либеральномъ обществѣ пересиливаетъ приверженность либераловъ къ свободному политическому режиму и толкаетъ ихъ къ союзу не съ революціонерами, а съ сильной центральной властью“. Точно также, въ противоположность совѣту Поссе „не преувеличивать значенія самодержавія“, Соскисъ признаетъ его колоссальной силой и особенно настаиваетъ на „фактѣ пугающаго состоянія нашего государственнаго бюджета“. Затѣмъ, о ближайшихъ революціонныхъ задачахъ онъ выражается такъ: „послѣ шести лѣтъ рабочаго движенія и двухъ лѣтъ политическихъ уличныхъ демонстрацій, приходится констатировать, что устой самодержавія все еще не расшатанъ, что жизненные ресурсы его все еще колоссальны“; „русло революціоннаго движенія все еще слишкомъ ограничено и самое движеніе это не въ силахъ теперь вступить въ рѣшительный бой съ самодержавіемъ“. Нужно расширить русло. Мужикъ напомнилъ намъ о своемъ существованіи“, „онъ напомнилъ намъ, что для социалиста преступно забывать про голодь и подавленность многомилліонной трудящейся массы“. Крестьянское возстаніе стихійно и неорганизовано: „пропаганда и агитація среди крестьянства, — такова революціонная задача дня“.

Редакція „Жизни“ очень не понравилась замѣчаніе Соскиса о забывчивости социалдемократіи по отношенію къ крестьянству, и она возражаетъ, что страданія народа всегда подвигали революціонеровъ на борьбу съ его угнетателями. Это довольно таки неумѣстное возраженіе. Развѣ же редакція не понимаетъ, что рѣчь

идеть не о нечувствительности къ страданіямъ и горю миллионъ крестьянъ, а объ игнорированіи страдающаго крестьянства, какъ историческаго фактора? А за доказательствами этой послѣдней забывчивости ходить далеко не къ чему: лучшимъ доказательствомъ служить социалдемократическая организация „Жизнь“, которая и теперь, попирая и логику, и факты, съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ продолжаетъ поворачиваться спиной все къ одному пункту—крестьянамъ, подобно магнитной стрѣлкѣ, движенія которой связаны. Въ одномъ, напр., изъ „примѣчаній“ отъ редакціи сказано: „большой вопросъ, являются-ли нынѣшніе бунты предвѣстниками „будущаго“ или отголосками „прошлаго“. Не объяснить ли редакція „Жизни“ своимъ читателямъ, въ особенности молодымъ читателямъ, что это значить? Вѣдь, если „бунты“ эти „отголоски прошлаго“, число ихъ должно падать, размѣры уменьшаться: причины недовольства исчезать, т. е. положеніе крестьянъ улучшаться; иначе они не будутъ „отголосками“, будутъ угрозой настоящему и „предвѣстниками“ будущаго. Всякій, однако, знаетъ, что крестьянскіе бунты усиливаются и учащаются, и фальсификацію дѣйствительности, донужденную тутъ „Жизнью“, только и можно объяснить тѣмъ, что у руководителей журнала—какъ у магнитной стрѣлки движенія—тѣмъ-то связаны мысли. Громъ разгудалъ, а социалдемократы изъ „Жизни“ не спѣшатъ перекреститься, не хотятъ и взглянуть на крестьянина: лѣнливо озираюсь по сторонамъ, они съ недоумѣніемъ говорятъ: это не молнія была и не громовой раскатъ, а „отголоски“ прошедшей, далекой грозы; пасть деревней небо чистое—по крайней мѣрѣ, нашъ социалдемократическій барометръ на бурю не указываетъ. И поучаютъ Со-скиса не покидать „русла“ и не отчаиваться: „для исторіи (еще бы для вѣчности!) это—совершенно ничтожный періодъ времени“ результаты же растущаго глухого недовольства все равно „рано или поздно(!) скажутся въ формѣ опасной правительству и господствующимъ классамъ“. Еще разъ: все хорошо, что хорошо окончится и... *festina lente!*—ибо „поспѣшность можетъ только повредить“.

Что же, господа, не торопитесь!—не торопитесь до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поймете, что бываютъ времена, когда проповѣдь кунтаторства равносильна подкладыванію палокъ въ колеса тому движенію, поборниками котораго вы желали бы быть.

Немалое оживленіе въ разыгрывающуюся на нашихъ глазахъ „смуту“,—или, по Плеханову, „очень вредное шатаніе мыслей“,—привнесли „Искра“ и „Заря“ со своей аграрной программой, а въ частности—появленіе на сцену Н. Ленина съ земельными „отрѣзками“. Но тутъ мы уже не встрѣтимъ вѣшнихъ признаковъ перрѣшительности,—напротивъ: внутренняя „смута“ прекрасно уживается тутъ съ увѣренностью въ своей полной непогрѣшимости. По своему обыкновенію, г. Ленинъ не считается ни съ исторіей,

движенія, ни съ заявленіями своихъ товарищей и сосѣдей по журналу.

Свою статью объ „аграрной программѣ русской социалдемократіи“ (№ 4 „Зари“) онъ начинаетъ такъ: „Врядъ ли есть надобность подробно доказывать необходимость „аграрной программы“ для русской социалдемократіи“. Читатель, конечно, скажетъ: такъ какъ русская социалдемократія въ значительномъ большинствѣ очень и очень долго игнорировала крестьянство, да и теперь еще многіе его игнорируютъ, то „надобность доказывать необходимость“ есть. Но думать такъ—„штанганіе мыслей“ и вредная тенденціозность: „русские социалдемократы признавали всю важность „крестьянского вопроса“ съ самаго уже своего появленія на свѣтъ“. И въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что, признавъ съ появленія своего на свѣтъ всю важность крестьянского вопроса, „мы“ такъ основательно забыли крестьянина, что должны констатировать чрезвычайную „неопредѣленность нашей политики по отношенію къ кореннымъ вопросамъ его быта и его эволюціи“; а не имѣя опредѣленныхъ взглядовъ на эти „коренные вопросы“, мы считаемъ излишнимъ доказывать необходимость аграрной программы. Мало того. „Всю важность“, по словамъ г. Ленина, признала „Группа Освобожденія Труда“, которая въ своемъ проектѣ программы говорить о крестьянствѣ и которая, въ лицѣ г. Плеханова, въ той же книжкѣ „Зари“ заявляетъ: что проектъ программы, не соответствующій вполнѣ социалдемократическому, „вѣрнѣе“, умышленно былъ составленъ съ уступками народническимъ взглядамъ и что, несмотря на всю эту дипломатію, „Г. О. Т.“ ничего не сказала о томъ, *какія положительныя требованія* должна выставить социалистическая партія“ въ аграрномъ вопросѣ. Наконецъ,—чтобы не ходить далеко,—внутренній обозрѣватель въ № 4 „Зари“ пишетъ;

«Разумѣется, было бы гораздо лучше и выгоднѣе для движенія, если бы эти факторы успѣха (крестьянство и пр.) были предметомъ ранѣе и о воздѣйствіи на нихъ думали прежде, чѣмъ практика подвинула насъ вплотную къ этому вопросу».

Спрашивается, еще разъ, значить-ли это „признавать съ появленія на свѣтъ“ и т. д.? Нѣтъ, это значить другое,—а именно: забывать свою исторію или, опять-таки, расписываться заднимъ числомъ.

Большинство социалдемократовъ начинаетъ признавать теперь важность крестьянского вопроса; часть же изъ нихъ пошла еще дальше и поняла, что къ крестьянству трудно подступить безъ „земли“: для этой цѣли г. Ленинъ и придумалъ „отрѣзки“. Такимъ образомъ, читателю, познакомившемуся съ сотрудниками „Жизни“, стоящими за надѣленіе земель, и узнавшему затѣмъ отъ Поссе, что никакихъ „прирѣзковъ“ не полагается, теперь рекомендуются „отрѣзки“. Это—нѣчто среднее и, нужно сказать, странное: не то земля, не то нѣтъ. Г. Ленинъ выходитъ передъ читателемъ и начи-

наетъ производить свои, непостижимые для профана, операціи съ воображаемыми кусками земли. Онъ хватаетъ такой „отрѣзокъ“ и говоритъ: вотъ,—смотрите, я прикину этотъ кусокъ или отниму,—и все равно, результатъ въ концѣ концовъ одинъ; дамъ крестьянину землицы (вѣдь, онъ такъ проситъ ея!) и помогу ему, — но за это и капиталистъ спасибо скажетъ: выйдетъ одно на одно; наконецъ, сдѣлаю пролетарія собственникомъ,—и все-таки сыграю этимъ на руку классовой борьбѣ и не сойду съ чисто пролетарской точки зрѣнія. А г. Плехановъ, глядя на изумленного читателя, поддакиваетъ: да, да! — теперь „нѣтъ *никакихъ* недомолвокъ. На всѣхъ безъ исключенія і поставлены точки“; если „отрѣзками“, то надѣлать можно, потому что это „нимало не задержать быстрого хода современнаго экономическаго развитія“.

Поразивъ такимъ образомъ читателя и признавъ даже, что его программа („наиболѣе важнымъ, центральнымъ“ ея пунктомъ „являются отрѣзки“) кажется „искусственной“ и похожа на хитрую выдумку, г. Ленинъ предлагаетъ затѣмъ этому читателю „не робѣть“, „не смущаться“ тѣмъ, что ему, по дорогѣ въ деревню, придется „и по краю обрыва проползти, и черезъ чащу пробираться, и черезъ ямы перескочить“, — словомъ забраться въ „закоулки и захолустя, изъ которыхъ выходъ есть, но прямого, простого и легкаго выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщетъ“. Прежде все было такъ ясно и просто, а теперь — увы! — теперь быть социалдемократомъ стало куда какъ труднѣе: того и гляди, въ обрывѣ сорвешься или въ закоулокъ попадешь. Прежде была одна сторона, одна линія, которую надлежало вести, — теперь же „все на свѣтѣ имѣетъ двѣ стороны“. „Вообще говоря, развивать, поддерживать, укрѣплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе ужъ не задача социалдемократіи“. Но... есть исключенія. „Вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакціонна... Въ данномъ же случаѣ мы хотимъ поддержать мелкую собственность именно не противъ капитализма, а противъ крѣпостничества“. Первый необходимо поддержать, а второе уничтожить; но такъ какъ они „переплетаются между собою самымъ сложнымъ образомъ“, то „приходится забраться въ самую сердцевину этой путаницы“, т. е.: искуснымъ разбрасываніемъ кусковъ земли нужно освободить крестьянъ отъ однихъ хищниковъ и, въ то же время, путемъ искусно составленной программы, постараться помѣшать имъ освободить себя (хотя бы сдѣлать попытку) отъ другой породы хищниковъ,—потому что крестьянская революція должна быть буржуазной революціей и должна содѣйствовать исчезновенію крестьянства, произведшаго революцію. Трудно, спору нѣтъ. Тутъ требуется сносный человѣкъ, который сумѣлъ бы, какъ говорится, себя самого перехитрить,—и не удивительно, что у изобрѣтателя „отрѣзковъ“ его собственные корреспонденты подмѣтили шатаніе мыслей.

Товарищи социалдемократы, писавшіе г. Ленину, вполнѣ правы,

называя аграрную программу „Искры“ и „Зари“ искусственной, трудно выполнимой и еретичной; къ этимъ качествамъ нужно еще прибавить ея утопичность.

Искусственна сна потому, что основному ея пункту—надѣленію землей—придается, такъ сказать, формальное значеніе, за которымъ теряется его сущность. Если желать надѣлить землей нуждающихся въ ней, то на отрѣзкахъ, конечно, нельзя остановиться: этого было бы и мало, и это было бы неправильно. Если же не желать давать землю, то нельзя, какъ то дѣлаетъ Ленинъ, такъ игнорировать ихъ сущность, какъ отрѣзковъ *земли*, и такъ преувеличивать ихъ значеніе, какъ формы реализаціи чисто демократическихъ требованій. Отрѣзки, какъ таковыя, введены въ программу совершенно произвольно, въ качествѣ средства борьбы съ остатками крѣпостничества и только потому, что имѣютъ связь съ прошлой крестьянской реформой, номинально уничтожившей крѣпостное право. Но изыятіе этихъ отрѣзковъ изъ рукъ крѣпостниковъ тогда, 40 лѣтъ назадъ, имѣло бы цѣлью надѣленіе крестьянъ землей; и если социалдемократы сожалеютъ, что эта мѣра не была проведена тогда (или тогда ея не надо было?), то теперь возвращеніе тѣхъ отрѣзковъ потомкамъ прежнихъ крестьянъ было бы съ точки зрѣнія широкаго земельного обезпеченія полумѣрой и во многихъ случаяхъ означала бы не надѣленіе, а обдѣленіе. А если такъ, то логически не имѣло смысла связывать свои аграрныя требованія съ давно минувшей крестьянской реформой и слѣдовало выдумать, въ соотвѣтствіи съ существующими условіями землепользованія, какія нибудь другія прирѣзки, которыя полиѣ и вѣрнѣе отвѣчали бы своей новой, двойной задачѣ: помогать мелкому собственнику бороться съ остатками крѣпостного порядка и помогать капиталу бороться съ крестьяниномъ мелкимъ собственникомъ. Правда, тогда проектъ программы Р. С. Д. П. сталъ бы еще болѣе искусственнымъ и еще менѣе осуществимымъ; но въ немъ было бы больше логической послѣдовательности.

Ленинъ особенно настаиваетъ на томъ, что помѣщиками при надѣленіи крестьянъ были удержаны лучшія угодья, безъ которыхъ крестьянину невозможно вести хозяйство и отсутствіе которыхъ закабаляетъ его сосѣду-помѣщику; это закабаленіе выражается главнымъ образомъ въ „отработочной системѣ“, которая въ 17 губерніяхъ является преобладающей среди частныхъ владѣльцевъ. Все это такъ въ отдѣльности, — т. е. и отрѣзки играютъ роль въ закабаленіи крестьянъ, и это послѣднее довольно широко распространено; но сами по себѣ отрѣзки не могутъ быть такой широкообъемлющей причиной крестьянской кабалы, какъ то хочетъ представить Ленинъ. При общемъ крестьянскомъ безземельи и при настоящей политической и финансовой системѣ, большинство случаевъ закабаленія объясняется именно этими причинами, а не отрѣзками; въ очень многихъ случаяхъ крестьяне лишились нужныхъ угодій не при надѣленіи, а послѣ надѣленія и независимо

отъ него, благодаря „прогрессивнымъ“ стараніямъ ростовщическо-кулацкаго капитала; во многихъ, наконецъ, случаяхъ отрѣзки, которые помогли бы дѣламъ, не могутъ помочь ихъ умножившемуся потомству. Если, т. обр., исключить обворовываніе и раззореніе крестьянъ казной, администраціей и деревенскими капиталистами кулаками, то на долю собственно отрѣзковъ, какъ причины крестьянскихъ отработковъ и кабалы, останется настолько мало, что ради этого не стоило заваривать всю эту программную кашу и залѣзать въ глухой тупикъ. „Демократическій пересмотръ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Россіи“, предлагаемый авторами проекта сыгралъ бы, конечно, громадную роль въ дѣлѣ борьбы съ остатками крѣпостническихъ отношеній.—но одного его мало; а „пересмотръ пресловутой крестьянской реформы“, зря названный „демократическимъ“, не заполнить пробѣла, не достигнетъ вполне цѣли и, конечно, не прекратитъ возникновенія впредь кабальной зависимости.

Оставимъ теперь недочеты проектируемой мѣры съ точки зрѣнія преслѣдуемой ею цѣли и всю трудность разыскиванія, при добромъ желаніи, корней и нитей 40 лѣтъ спустя, когда старые отрѣзки въ однихъ мѣстахъ раздробились и перемѣнили много разъ владѣльцевъ, въ другихъ и сами преобразились до неузнаваемости,—причемъ цѣнная земля, благодаря хищническому обращенію, могла обратиться въ никому ненужный пустырь, а нужное крестьянамъ уголье—возникнуть подъ бокомъ на землѣ, никакого отношенія къ отрѣзкамъ не имѣющей. Искусственность этимъ не ограничивается. Какъ одно изъ достоинствъ защищаемой имъ программы, Ленинъ выставляетъ легкость, съ какой при помощи этой программы товарищи практики въ деревнѣ, будутъ въ состояніи разобраться въ каждомъ данномъ явленіи, дѣйствовать въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Такъ ли это?

Ленинъ предлагаетъ выдѣлить въ особый отдѣлъ „все требованія въ пользу наемныхъ рабочихъ“ и въ особый—„требованія въ пользу крестьянъ“, ибо „основной критерій того, что мы можемъ и должны требовать въ первомъ и во второмъ случаѣ, совершенно не одинаковъ“. Онъ говоритъ: „поскольку въ нашей деревнѣ крѣпостное общество вытѣсняется „современнымъ“ (буржуазнымъ), постольку крестьянство перестаетъ быть классомъ, распадаясь на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію“ (вплоть до „мельчайшей“); но врагомъ крѣпостнаго порядка и самодержавія „является все крестьянство, какъ шлое“, т. е. „классъ-сословіе“, и, какъ таковое, оно „не можетъ не приобщиться къ движенію“. Это выходитъ гладко и даже красиво на бумагѣ, но въ жизни далеко не все такъ просто, и г. Ленинъ не даромъ въ другомъ мѣстѣ приглашаетъ товарищей забраться въ „самую сердцевину путаницы“. Сказать, что крестьянство, какъ цѣлое и какъ сословіе, должно быть врагомъ „старога режима“—слишкомъ смѣло и потому именно невѣрно, что въ крестьянскомъ сословіи („цѣломъ“) выдѣли-

лась часть буржуазіи, для которой невыгодно (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) бороться съ нынѣшнимъ политическимъ строемъ, потому что никакой другой режимъ не обезпечиваетъ такъ хорошо ея *матеріальныхъ* интересовъ,—точно такъ же, какъ и значительная часть промышленной буржуазіи не должна бороться съ нимъ только потому, что она буржуазія, и не борется. Это только красивая фраза, нужная г. Ленину для противоположенія, и такая же неточная, какъ и утвержденіе г. Плеханова (*loc. cit.*), будто рабочій, въ противоположность крестьянину, способному понять только „демократическія требованія“, проникнуть „соціально-революціоннымъ“ идеаломъ. Мы совсѣмъ не хотимъ умалить соціально-революціонное значеніе пролетаріата и нисколько не думаемъ оспаривать положенія, выставленнаго русскими революціонерами тогда, когда русская соціалдемократія не появлялась еще на свѣтѣ божій; рѣчь идетъ не о томъ, кто *вообще*, крестьянинъ или рабочій воспріимчивѣе къ соціалистической пропагандѣ, а о томъ, что русскому революціонеру, не только какъ демократу, но и какъ соціалисту, неизбѣжно приходится и придется имѣть дѣло и съ рабочимъ, и съ крестьяниномъ. Насколько послѣдній окажется въ этомъ смыслѣ податливымъ — выяснитъ будущее; но что и русскій рабочій, въ массѣ своей, еще не выступаетъ теперь какъ сознательный соціалистъ и революціонеръ — это вѣдь также не подлежитъ сомнѣнію.

Итакъ, крестьяне,—не крестьянское *сословіе*, какъ выражается г. Ленинъ, а крестьянское большинство, допекаемое и кнутомъ, и рублемъ, т. е. эта якобы „мелкая и мельчайшая буржуазія“ и деревенскій пролетаріатъ,—это крестьянство способно приобщиться къ движенію и должно стать объектомъ революціоннаго воздѣйствія. Но чего оно хочетъ и какъ къ нему подойти? Вмѣстѣ съ г. Ленинымъ, мы полагаемъ, что оно способно стать борцомъ за политическую свободу, за демократическій строй; но оно, — и мелкое крестьянство, и сельскій пролетаріатъ, — хочетъ прежде всего земли и не пойметъ политическихъ требованій, оторванныхъ отъ широкой земельной реформы. Въ этомъ смыслѣ они почти одинаковы, — и потому положеніе деревенскаго пропагандиста и агитатора, который обратится къ нимъ съ „совершенно неодинаковыми“ предложеніями, не можетъ не быть двусмысленнымъ. Но представимъ себѣ, что можно какъ-нибудь уломать сельскаго бездомнаго батрака, умолчавъ о землѣ: тутъ пришлось бы только на сходкѣ, напр., отдѣлить козлищъ отъ овецъ и стараться, чтобы первые не услышали того, что будутъ говорить вторымъ.

Возьмемъ, однако, мелкихъ собственниковъ, которымъ и составители программы разрѣшаютъ пометчать о землицѣ. Есть немало крестьянъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ пресловутымъ „отрѣзкамъ“, или такихъ, для которыхъ эти отрѣзки не имѣютъ никакого значенія. Но отъ этого не меньше ихъ тяготѣніе къ землѣ, и они настойчиво будутъ приставать съ разспросами о ней

къ делегату отъ „Зари“ и „Искры“. Что онъ имъ скажетъ? Или получить отрѣзки, которыхъ имъ не полагается, или сидѣть безъ земли. Но почему же одни что-нибудь получаютъ, а другіе ничего? Потому что тѣхъ обобралъ помѣщикъ-крѣпостникъ, а этихъ тѣснить купецъ, Колупаевъ, котораго трогать нельзя, ибо такъ нужно, чтобы теперь было царство буржуазіи—, третьего сословія“. Можетъ быть, однако, подъ бокомъ у этихъ крестьянъ лежатъ богатія монастырскія земли, съ которыхъ туеядцы ихъ же руками собираютъ огромные доходы; можетъ-быть, они заявляютъ справедливыя претензіи на эту землю? „Конечно, — отвѣтитъ делегатъ, — монастырь—это другое дѣло; духовенство сыграло уже свою роль въ исторіи, и „конфискація монастырскихъ имуществъ“ стоитъ въ программѣ только земли крестьянамъ все же отсюда не будетъ, потому что таковая конфискація имѣетъ свое специальное назначеніе: дать „средства на помощь голодающимъ“. Итакъ, послѣ „демократическаго пересмотра“—*милостыня!* Въ „республикѣ“, значить, ихъ будутъ сытнѣе кормить, чѣмъ при царскихъ министрахъ,—чтобы не корчились на глазахъ отъ голодухи.... Мы думаемъ, что воображаемый пропагандистъ не поблагодаритъ авторъ программы за ихъ „хитрую выдумку“ и убѣжитъ изъ деревни, гдѣ ему нѣтъ мѣста.

На „ереси“, которой грѣшитъ эта программа, на внутреннемъ противорѣчьи, которое она вноситъ въ строй социалдемократическихъ воззрѣній, врядъ-ли нужно долго останавливаться: это вытекаетъ изъ предыдущаго изложенія. Что бы тамъ Ленинъ ни говорилъ насчетъ „двухъ сторонъ“ одного вопроса, какъ бы ни умалялъ сущности своего изобрѣтенія (практически, дѣйствительно, ничтожнаго), указаніями на то, что „и мелкое хозяйство тоже поддается, хотя и туго, натиску кэпитализма“,—не подлежитъ сомнѣнію, что 1) надѣленіе земель части крестьянъ не можетъ не помочь имъ въ борьбѣ не только съ крѣпостничествомъ, но и съ капитализмомъ: отдѣлить одно отъ другого возможно только въ абстракціи, вполнѣ искусственно; 2) что экспроприація нѣкоторой части владѣльческихъ земель не можетъ не задерживать процесса капитализаціи земельной собственности, и безъ того тугого. Но главное—это надѣленіе „отрѣзочной“ земель части пролетаріата, т. е. искусственное размноженіе сельской „буржуазіи“ и притупленіе въ деревнѣ классовой борьбы. Объ этомъ Ленинъ стыдливо умалчиваетъ. Или онъ считаетъ, что обезземелившіеся потомки крѣпостныхъ теряютъ право на отрѣзки, а сохраняютъ его лишь тѣ, у кого уцѣлѣлъ кусокъ земли? Или онъ думаетъ, что проектируемые въ программѣ „крестьянскіе комитеты“ не дадутъ ничего своимъ безземельнымъ и готовымъ лишиться земли сообщественикамъ, если бы даже тѣ не имѣли юридическаго права на отрѣзки? Врядъ-ли кто согласится съ такимъ предположеніемъ. „Крестьянскіе комитеты“, выборные отъ крестьянства, не только ~~это сдѣлаютъ~~, —они больше сдѣлаютъ: положить подъ сукно уто-

пическое измышление „Искры“ и „Зари“. Въ самомъ дѣлѣ, *если* все, что предлагается въ программѣ, „достижимо лишь *путемъ низверженія царскаго самодержавія* и созыва *учредительнаго собранія*, свободно избраннаго *всѣмъ народомъ*“, если все это „въ состояніи только силой взять себѣ революціонное движеніе крестьянства“, то слишкомъ ужъ наивно предполагать, чтобы революціонное крестьянство, сбросивъ со своихъ плечъ насильниковъ и паразитовъ, остановилось на какихъ-то старинныхъ „отрѣзкахъ“ и не сообразовалось бы со своими реальными нуждами. Итъ, оно распорядилось бы землею и проще, и правильнѣе, чѣмъ ему предлагаетъ программа, — руководствуясь тѣмъ взглядомъ, что право на землю дать только трудъ. Этотъ взглядъ преобладаетъ въ массѣ нашего крестьянства, чему можно найти многочисленныя подтвержденія въ текущей хроникѣ деревенской жизни; его ясно выразили и возставшіе недавно полтавцы и харьковцы въ своихъ требованіяхъ къ помѣщикамъ. Того же взгляда будутъ придерживаться упоминаемые въ программѣ „крестьянскіе комитеты“, — если крестьяне дѣйствительно *силой* и *путемъ революціоннаго возстанія* завоюютъ себѣ волю, а не получаютъ земельную подачку отъ милостей царскихъ. Не придется ли тогда социалдемократамъ изъ „Искры“ и „Зари“ ограничивать размахъ крестьянскихъ требованій, удерживать крестьянъ отъ коренного пересмотра аграрныхъ отношеній и доказывать имъ, что въ Россіи еще не было *чисто буржуазной революціи*“?

Въ томъ благопріятномъ для народнаго дѣла случаѣ, когда оказалось бы возможнымъ осуществленіе сполна интересующей насъ программы, — съ „республикой“, учредительнымъ собраніемъ, свободно избраннымъ *всѣмъ народомъ*“ и пр., — въ этомъ случаѣ въ сферѣ аграрныхъ отношеній рѣчь можетъ идти о чемъ либо въ родѣ чернаго передела или социализаціи земли. А такъ какъ всякій революціонеръ не приспособляется, а приспособляется и желаетъ добиться возможно большаго, то онъ и помѣщаетъ въ свою ближайшую программу — тахіишмъ возможныхъ требованій. Ленинъ вполне правильно выражается на этотъ счетъ, когда отстаиваетъ, напр., требованіе республики; но защищая проектъ аграрной программы, онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: даетъ программу съ минимальными и не удовлетворяющими крестьянъ земельными требованіями, — а о болѣе крупныхъ и слушать не хочетъ. Когда Мартыновъ предложилъ ему быть послѣдовательнѣе и, разъ начавши надѣлять землей крестьянъ, „идти дальше“ по пути къ „черному переделу“, — послѣ чего ему „пришлось бы распространиться съ социалдемократической программой“, — то Ленинъ разеердился, обозвалъ Мартынова „хвостистомъ“ и „неумной птицей“. Но поставленной передъ нимъ дилеммы, непослѣдовательность или идейное самоубійство, — онъ этимъ не разрѣшилъ, хотя, какъ увидимъ дальше, кое что намѣтилъ для ея разрѣшенія: вѣдь, долго сидѣть между двухъ стульевъ, какъ никакъ, неудобно.

Ближе подходить къ вопросу о коренномъ пересмотрѣ аграрныхъ отношеній бывший чернопередѣлецъ г. Плехановъ,—но продѣлываетъ это такъ двусмысленно, что читатель остается въ полнѣйшемъ недоумѣніи передъ этой „точкой надъ і“.

«Насъ навѣрное упрекнуть въ томъ, — говоритъ онъ, — что мы не требуемъ націонализаціи земли. Мы же думаемъ, что... всѣ противники нашего стараго крѣпостного быта и его политической «надстройки», — «царизма», — должны очень осторожно относиться къ требованію націонализаціи земли, потому что если бы такая націонализація совершилась при нынѣшнихъ нашихъ политическихъ условіяхъ... то шансы побѣды революціонной партіи и выхода русскаго мужика изъ положенія илота «уменьшились бы въ очень значительной степени».

Затѣмъ, послѣ разсужденія о томъ, какъ опасно сосредоточеніе земли „въ рукахъ нашего полицейскаго государства“, и напоминанія „соціалистамъ“, что они могутъ защищать это требованіе „только по недоразумѣнію“, авторъ такъ оканчиваетъ свои комментаріи къ аграрной части программы:

«Когда политическая власть окажется въ рукахъ рабочаго класса, тогда вопросъ о націонализаціи земли приметъ, конечно, совсѣмъ другой видъ, но тогда онъ будетъ лишь одной изъ составныхъ частей гораздо болѣе широкаго вопроса о переходѣ въ общественную собственность всѣхъ вообще средствъ производства и обращенія продуктовъ. Правда и то, что въ революціонную эпоху экспроприація крупныхъ землевладѣльцевъ можетъ явиться у насъ необходимымъ условіемъ социально-политической побѣды революціонной партіи. Но это—вопросъ совсѣмъ другой... Говорить о немъ теперь преждевременно, хотя теперь же слѣдуетъ замѣтить, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ его необходимо будетъ поставить».

Не легко будетъ русскому социалдемократу разобраться въ той путаницѣ, которая называется „аграрной программой русской социалдемократіи“ и комментаріями къ ней! Смотра по обстоятельствамъ, ему говорятъ то о „республикѣ“ и самой широкой демократіи, то о „царизмѣ“ и нынѣшнихъ нашихъ политическихъ порядкахъ. Съ одной стороны ему внушаютъ, что выставленныя въ программѣ реформы могутъ быть взяты только силой и путемъ „революціоннаго возстанія крестьянства“, а съ другой, какъ дойдетъ до націонализаціи, начинаютъ запугивать „нашимъ полицейскимъ государствомъ“, приглашая, въ сущности, стать на точку зрѣнія либерала, полемизирующаго съ „Московскими Вѣдомостями“*) — т. е. не требовать по „недоразумѣнію“ націонализаціи земли: пожалуй, услышитъ царь, которому это выгодно, а такъ, быть можетъ, онъ не догадается и, испугавшись „республики“ и пр. жупеловъ, смиляется и согласится на земельный подарокъ въ видѣ „отрѣзковъ“. И при этомъ остаются на

*) См. тамъ же, у г. Плеханова.

словахъ ультра-революціонными. Или, быть можетъ, когда Плехановъ говоритъ: „правда и то, что въ *революціонную эпоху* и т. д.“,—онъ имѣетъ въ виду отнюдь не предстоящую въ Россіи революцію, съ „республикой“ и пр. „демократическимъ пересмотромъ“, а революцію социальную съ социалистическимъ строемъ? Или онъ только неявно выражается, позволяя читателю думать, что или революціонная эпоха, которую придется Россіи пережить, не заслуживаетъ названія революціонной, или и теперь позволено требовать націонализаціи земли не „по недоразумѣнію“ только? Но недоразумѣніе или внутреннее противорѣчіе остается въ приведенномъ отрывкѣ даже въ томъ случаѣ, если подъ революціонной эпохой понимать эпоху, непосредственно предшествующую „диктатурѣ пролетаріата“. Въ самомъ дѣлѣ, если націонализація земли желательна лишь вмѣстѣ съ социализаціей всѣхъ остальныхъ средствъ производства, то что значить это ограниченіе: „правда и т. д.“,—которымъ признается не только желательность, но почти неизбѣжность „экспропріаціи помѣщиковъ“ отдѣльно отъ общей социализаціи производства? Если въ *ту* эпоху явится необходимость привлекать на сторону социально-революціонной партіи массы мелкихъ крестьянъ-буржуа, противниковъ социалистическаго строя, это значить, что и тогда почва для социализма будетъ еще недостаточно подготовлена и что, если бы и оказалась при такихъ условіяхъ возможной диктатура пролетаріата, крестьянину все-таки придется доходить до социализма, какъ таковому, какъ сельскому работнику, не лишенному земли, а такъ или иначе обеспеченному ею и не побывавшему въ шкурѣ чистаго пролетарія; это значить, что социалдемократія готова пойти навстрѣчу крестьянству, идущему не къ пролетаризаціи, а къ революціонной экспропріаціи помѣщиковъ, а это противорѣчитъ догмѣ марксизма; практически же эта игра въ прятки съ землей приводитъ къ такимъ нелѣпостямъ, какъ включеніе въ программу „республики“ и милостыни „для голодающихъ крестьянъ“, которые не милостыни просятъ, а провозглашаютъ право труда на землю.

„Недоразумѣніе“ такъ и остается не разрѣшеннымъ; но неопредѣленные „извѣстныя обстоятельства“ и неясная „революціонная эпоха“, опять таки, открываютъ дорогу для... дальнѣйшаго „шатанія мыслей“.

Крестьянскій вопросъ — *noli me tangere* (не тронь меня) для социалдемократіи. И чѣмъ громче стучится деревня въ двери ея кабинетныхъ теоретиковъ, чѣмъ сильнѣе овладѣваетъ она вниманіемъ практиковъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ значеніе именно этого вопроса, какъ пробнаго камня для испытанія стройности и цѣльности социалдемократическаго „вѣру“. Боязнь укрѣпить и размножить „мелкую буржуазію“ поддержкой хозяйственной самостоятельности крестьянства, и, наряду съ этой боязнью, диктуемая мнѣнью необходимость дать все сильнѣе „бунтующимъ“ крестья-

анамъ землю и получить точку опоры въ крестьянствѣ — таковы основные источники интересующаго насъ недоумѣнія и разброда, коренящіеся въ односторонности самой доктрины, въ ея противорѣчіи съ жизнью. Отсюда вся та гамма отѣнковъ мнѣній, которыя должны представлять собою цѣльный взглядъ партіи, но которыя являются, какъ мы видѣли, клубкомъ противорѣчій. Отсюда же и искусственныя построенія книжниковъ изъ „Искры“ и „Зари“, которыя протягиваютъ руку „мелкой буржуазіи“ подъ видомъ поддержки крупной и обострення классовой борьбы и пытаются прикрыть раздачу земли „демократическимъ пересмотромъ“, связавъ его съ минувшей „крѣпостной реформой“ и съ ея „отрѣзками“.

Но если міровой опытъ въ сферѣ сельскохозяйственныхъ отношеній не даетъ достаточныхъ основаній разсчитывать на процессъ дифференціаціи, на пролетаризацію производителей — съ одной стороны и земельную концентрацію — съ другой, и если практика, возлагающая всѣ свои надежды на этотъ процессъ, отстаеетъ отъ жизни и заставляетъ тащиться въ хвостъ движенія, то послѣдовательнѣе было бы не стараться во что бы то ни стало отстоять излюбленную схему, а пересмотрѣть доктрину и отказаться отъ односторонней формулы социализаціи сверху, черезъ пролетаризацію. Въ этомъ смыслѣ г. Ленину, напр., не мѣшало бы подумать, какъ онъ будетъ: „прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы мелкій крестьянинъ... покинулъ *свою* классовую точку зрѣнія и всталъ на точку зрѣнія пролетаріата“, — и сдѣлать изъ этого положенія соответственные выводы. Опять таки, одно изъ двухъ: или „стать на точку зрѣнія пролетаріата“ можетъ только пролетарій, — и тогда бессмысленно обращаться съ подобными предложеніями къ собственнику; или мелкій крестьянинъ можетъ также пріобщиться къ социалистическому идеалу, — и тогда не вѣрно, будто одинъ пролетарій способенъ сознательно бороться за этотъ идеалъ, и не вѣрно, что требованія, предъявляемыя къ тому и другому, „совершенно неодинаковы“. И г. Ленинъ, если бы былъ послѣдователемъ и не боялся выводовъ, объяснилъ бы читателю, — какъ то и сдѣлалъ въ подобномъ случаѣ покойный Энгельсъ, — что къ мелкому крестьянину онъ обратится, какъ къ таковому, что, по освобожденіи народа отъ путъ полицейско-бюрократическаго государства, онъ будетъ звать этихъ представителей труда на борьбу съ капиталомъ путемъ объединенія и обобществленія снизу ихъ силъ и орудій производства, будетъ содѣйствовать развитію въ крестьянствѣ социальныхъ инстинктовъ и кооперативныхъ навыковъ. Тогда эта фраза его — сейчасъ голая фраза безъ смысла — получила бы реальное содержаніе, но тогда нельзя было бы уже заниматься навязываніемъ буржуазныхъ кличекъ всѣмъ тѣмъ, кто не можетъ видѣть въ пролетаризаціи единственнаго пути къ социализму, и въ приведенномъ выраженіи слѣдовало бы тогда замѣнить „точку зрѣнія пролетаріата“ — точкой

зрѣнія *соціализма*, какъ понятія, во всякомъ случаѣ, болѣе точнаго*).

Точно также не оказалось бы тогда простой игрою словъ другая фраза г. Ленина объ общинѣ. „Общину, какъ товарищескій, или сосѣдскій союзъ... мы безусловно будемъ защищать,—говорить онъ... Что же касается до расширенія правъ коллективности по отношенію къ индивидууму, то социалисты защищаютъ его только тогда, когда это расширеніе лежитъ въ интересахъ техническаго и социальнаго прогресса. Въ этомъ смыслѣ и мы и т. д.“ Если считать процессъ дифференцировки единственнымъ средствомъ общественнаго преобразованія и неизбѣжнымъ этапомъ по пути къ будущему солидарному строю, то общину или „сосѣдскій союзъ“, который непремѣнно пренятствуетъ этому процессу, ни въ какомъ случаѣ защищать нельзя; и въ полномъ соответствии съ этимъ въ программѣ „Искры“ и „Зари“ ни о какихъ сосѣдскихъ союзахъ, какъ явленіи прогрессивномъ, не упоминается. Предложеніе, вопреки программѣ, защищать общину—это одинъ изъ тѣхъ камешковъ, которыхъ г. Ленинъ немало запускаетъ въ чужой огородъ—по точному адресу, или вовсе безъ адреса.**). Въ частности, „техническому прогрессу“, незаконно занимающему въ фразѣ г. Ленина первое мѣсто, принадлежитъ въ этомъ вопросѣ роль второстепенная. Теоретически мы всѣ признаемъ, что въ будущемъ строѣ общество сможетъ примѣнять въ своемъ хозяйствѣ самую высокую технику и что техническія усовершенствованія, съ переходомъ орудіи труда въ руки производителей и съ устраненіемъ частной хозяйственной инициативы, не прекратятся, а будутъ прогрессировать, — и потому вообще можно говорить лишь о болѣе или менѣе благоприятныхъ *условіяхъ* для выучки. Но и въ современномъ буржуазномъ обществѣ, именно для сельскаго хозяйства, отнюдь не доказано, что техника въ товарищескихъ союзахъ, о которыхъ говорилъ Энгельсъ и которые пока еще слабо развиты, настолько отстаетъ отъ частновладельческой и такъ мало общается въ будущемъ, чтобы ради этихъ допустимыхъ „техническихъ“ недочетовъ возможно было игнорировать ихъ значеніе для „социальнаго прогресса“. Последній имѣетъ рѣшающее значеніе. И г. Ленину слѣдовало бы, наконецъ, понять, что соци-

* Во-первыхъ, въ психологіи пролетаріата есть элементы, никакого отношенія къ социализму не имѣющие, а во-вторыхъ, вѣдь, пролетаріатъ (дѣйствительный, а не вымышленный) приобретаетъ то, что принято называть его настоящей, классовой психологіей, лишь постольку, поскольку онъ пропитается социализмомъ, — и никакъ ужъ нельзя сказать, что социалистъ становится социалистомъ постольку, поскольку онъ становится пролетаріемъ. Это ненужное злоупотребленіе словами, особенно для русскаго социалиста, который имѣетъ дѣло съ подавляющимъ большинствомъ труженниковъ—не пролетаріевъ.

** Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о нашемъ органѣ, который будто бы пребываетъ „между двухъ стульевъ“—въ почтенной компаніи авторовъ программы.

ально-революционная Партия, органом которой является наш журнал, поддерживает и будет поддерживать „коллективность“ именно въ виду этого прогресса и лишь постольку, поскольку данная коллективность способствуетъ социальному прогрессу человечества. Что же касается нашей „современной, полузадушенной въ тискахъ административнаго и податнаго гнета общины“, то „мы чужды всякой идеализации ея*); мы думаемъ только, что если къ моменту крушенія нынѣшняго гнуснаго режима отъ нея что-нибудь останется и постольку останутся въ крестьянствѣ общественные навыки и инстинкты. (т. е. сущность, а не уродливыя или несовершенныя формы) — эти послѣдніе не могутъ не пойти на пользу социальному прогрессу. Это, между прочимъ, служило для насъ лишнимъ основаніемъ выдвигать на первый планъ, въ согласіи съ завѣтами предшественниковъ, политическую борьбу—въ то время, когда социалдемократія (въ шлѣмѣ), позабывъ уроки прошлаго движенія и повторяя старыя ошибки, злоупотребляла своимъ „экономизмомъ“. Г. Ленинъ хочетъ увѣрить читателя, что нашъ взглядъ на „коллективность“ не прогрессивенъ и рѣзко отличается отъ его взгляда, вышеприведеннаго. Это напрасный трудъ. Внимательный читатель существенной разницы тутъ не откроетъ; но онъ въ этомъ случаѣ непременно замѣтитъ у г. Ленина противорѣчіе и самому себѣ, и защищаемой программѣ, и социалдемократической доктринѣ. — напридачу къ тому противорѣчію между программой и доктриной, которое уже отмѣтили корреспонденты г. Ленина и о которомъ рѣчь была выше. И тогда, мы думаемъ, читатель рѣшится, что сидѣть между двухъ стульевъ не родится, а нужно что-нибудь одно: или окаменѣть на своемъ собственномъ стулѣ, отрешиваясь отъ всякихъ новшествъ, или же, вкусивъ отъ дереси, быть послѣдовательнымъ до конца и признать свой марксизмъ не вполнѣ „ортодоксальнымъ“.

Пока еще русскіе социалдемократы этого не сдѣлали. А до тѣхъ поръ, пока это не сдѣлано, они не смогутъ ни составлять удовлетворительныхъ аграрныхъ программъ, ни претендовать на наслѣдство“ отцовъ и старшихъ братьевъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ, подобно глубокому рву, тотъ же крестьянскій вопросъ.

Для насъ не секретъ ясныя мотивы, заставляющіе нынѣ русскихъ социалдемократовъ прилѣпляться къ тому самому наслѣдству, которое они, недавно еще, съ такимъ непримиримымъ упрямствомъ громили брошюрною карточью и отъ котораго отрекались съ такимъ полемическимъ жаромъ. Однако, въ этихъ попыткахъ перемѣны фронта нелзя не видѣть симптоматическія и оттоловскыя того же „шатанія мыслей“. Мысли, заключенная въ крѣпкія оковы догмы и осужденная въ нихъ на безплодіе, естественно стремится въ порывѣ самосохраненія, податься и впередъ и назадъ—гдѣ она,

*) См. «Р. Р.» № 8.

беспомощная, въ богатомъ наслѣдіи прошлаго старается найти себѣ точку опоры, опредѣлить свои жизненные основанія. Но полатъся изъ оковъ можно, только разбивъ оковы; и истый социалдемократъ — тотъ, который съ такой великолѣпной помпой выступилъ на сцену прошлому — можетъ лишь по недоразумѣнію протягивать руку къ завѣщанному прошлымъ наслѣдію. Подобное недоразумѣніе и представляетъ собою брошюра Ю. Невзорова, озаглавленная: „Отказываемся ли мы отъ наслѣдства?“

Въ предлагаемой брошюркѣ авторъ „хотѣлъ показать, что социалдемократія есть нормальный и неизбѣжный продуктъ всего нашего социальна-революціоннаго движенія, что она дала отвѣтъ на назрѣвшіе и настоятельно требовавшіе своего разрѣшенія вопросы и не отказалась отъ „наслѣдства“. Но не все, что хочется, то и можетъ. Какъ ни эволюционируетъ русская социалдемократія, какъ ни расширяетъ она свои программы — всего этого отнюдь еще недостаточно для полученія правъ на наслѣдство. Въ самомъ дѣлѣ, отличительной чертой революціоннаго направленія, которое резюмировало въ своей дѣятельности и завѣщало намъ опытъ прошлаго и которое, около 20 лѣтъ тому назадъ, послѣднимъ покинуло поле битвы, — было: рѣзкое подчеркиваніе необходимости политической борьбы и широко составленная программа, имѣвшая цѣлю, въ соотвѣтствіи съ силами врага, вовлечь въ борьбу всѣ сколько-нибудь пригодные для этого слои населенія. И вотъ, социалдемократія, обкарнавшая эту программу, пріютившаяся въ одномъ изъ ея уголковъ и водрузившая въ немъ тусклое знамя экономизма, начинаетъ постепенно двигаться влѣво, пріобрѣтаетъ политическую окраску, а затѣмъ и расширять сферу своего воздѣйствія. Она заговорила объ арміи, о военныхъ, — напр., „Жизнь“ или та же „Борьба“, и „заявила въ послѣдствіи, что ставить себѣ цѣлю вовлечь въ движеніе крестьянство“. Мы видѣли выше, когда и какъ русская социалдемократія подошла къ крестьянству; здѣсь нужно только замѣтить, что и „идея о вовлеченіи крестьянства (хотя бы) путемъ воздѣйствія на рабочій пролетаріатъ“ долгое время находилась въ загонѣ, и недавно еще раздавались жалобы на то, что рабочіе, попадающіе въ деревню, не умѣютъ „вовлекать“ крестьянъ и не знаютъ, какъ подступить къ нимъ. Но дѣло не въ этомъ. Выходитъ такъ, что социалдемократія, подъ вліяніемъ какихъ-то постороннихъ, извнѣ взятыхъ и не отвѣчавшихъ дѣйствительности соображеній, отреклась отъ наслѣдства, а въ послѣдствіи, повторивъ уже продѣланный и ненужный экспериментъ, постепенно примкнула ко взглядамъ „Н. Воли“ на задачи революціонной дѣятельности. Съ этимъ ее можно только поздравить и пожелать ей дальнѣйшаго укрѣпленія на вновь занятыхъ позиціяхъ. Но... это ли хотѣлъ доказать Невзоровъ? Конечно, нѣтъ, — въ противномъ случаѣ было бы уже возможно и гораздо проще отказаться отъ социалдемократизма. Позиціи еще не укрѣплены, и именно крестьянская позиція, какъ мы знаемъ,

не имѣть подъ собою точекъ опоры. Присмотримся поэтому поближе къ аргументаціи Невзорова.

Автору угодно социалдемократическое движеніе въ Россіи связывать съ чернопередѣльческимъ, выводить первое изъ второго; и дѣлаетъ онъ такъ потому только, что нѣсколько эмигрантовъ-чернопередѣльцевъ основали заграницей социалдемократическую „Г. О. Т.“ Подобное размѣшеніе несовсѣмъ точно и не удобно; а связь двухъ направленій въ значительной мѣрѣ искусственна. Русское революціонное движеніе не знаетъ такой послѣдовательности: „Черный передѣлъ“ — „соціалдемократія“; оно знаетъ: „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“, игравшій въ движеніи роль второстепенную, — „Н. В.“ и „соціалдемократы“. И этой хронологіи автору не мѣшало бы строже придерживаться. Нѣкоторыя общія черты можно найти у кого угодно и съ кѣмъ угодно; группу же О. Т. еще съ большимъ успѣхомъ могли основать, оторвавшись отъ родной дѣйствительности, эмигранты-народовольцы, у которыхъ было меньше „народническихъ предразсудковъ“. Но насъ интересуетъ не изолированная заграничная группа, тоже отказавшаяся отъ наслѣдства и занимавшаяся, во время народовольческой борьбы еще, насажденіемъ социалдемократическихъ идей, а русское движеніе: социалдемократія въ цѣломъ, въ ея дѣятельности. А послѣднюю нужно сравнивать и связывать съ дѣятельностью партіи „Народной Воли“, этимъ резюме прошлаго движенія, куда вошло изъ „Чернаго Передѣла“ все, что было въ немъ жизненнаго; въ противномъ случаѣ, пришлось бы перескочить черезъ Н. В. и, пожалуй, признать ее въ угоду „нормальности“ социалдемократіи, чѣмъ то ненормальнымъ, какимъ то отклоненіемъ въ сторону. Мы дѣлаемъ эту поправку для того, чтобы внести побольше точности въ генеалогическія разсужденія Невзорова. Онъ говоритъ, что однимъ изъ „двухъ пунктовъ“, которые чернопередѣльцамъ надлежало „подчеркнуть и выяснить“, чтобы стать социалдемократами, было внесеніе въ свою программу политической борьбы. И опять таки, здѣсь неважно, что дѣлала въ своихъ проектахъ подъ „благодѣтельнымъ вліяніемъ „Н. Воли“, „Г. О. Т.“ въ то время, когда социалдемократическое движеніе въ Россіи еще не появлялось; намъ важно установить, что появившаяся и дѣйствительная социалдемократія, въ цѣломъ, отказалась по этому пункту отъ наслѣдства, завѣщаннаго „Н. В.“ Быть можетъ, то была не настоящая, но она *отказалась*; а это не одно и то же.

Перейдемъ, однако, къ другому „пункту“: въ послѣдствіи, какъ мы знаемъ, русская социалдемократія все болѣе и болѣе становилась по первому пункту на точку зрѣнія „Н. В.“, и теперь большинство социалдемократовъ, подъ знаменемъ *революціонной* социалдемократіи, сражается съ меньшинствомъ не на животь, а на

смерть.*) за наследство. Второй пункт, который следовало подчеркнуть, это—пролетариат и его социально-революционное значение. Обращаясь по этому пункту за исторической справкой къ брошюрѣ Невзорова, читатель узнаетъ, что чернопредѣльцы отмѣчали „сравнительно значительные успѣхи пропаганды“ среди городскихъ рабочихъ, не смотря на то, что тогда «зародыши пролетариата тонули въ сѣромъ крестьянскомъ мірѣ»; уже они видѣли, „какъ обильна тутъ жатва и какъ мало оказалось жнецовъ“. Народовольцы же пошли въ этомъ отношеніи еще дальше и, не раздѣляя утопическаго взгляда чернопредѣльцевъ на русскую общину, „особенно“ подчеркивали „преобладающее значеніе рабочаго класса“. Итакъ, оба пункта, о которыхъ говорить Невзоровъ, оказались подчеркнутыми у народовольцевъ, и, когда „Черный Предѣлъ“ скоро сошелъ со сцены, Н. В. продолжала одна дѣйствовать, поглощая всѣ живые и дѣятельные элементы русскихъ революціонныхъ силъ. Другими словами, чернопредѣльцы, признавъ пунктъ первый и отказавшись отъ кое какихъ „народническихъ предразсудковъ“ по второму пункту, примкнули къ партіи Н. В.... „и тогда они сдѣлались социалдемократами“. Читателя, быть можетъ, удивитъ такое заключеніе, но онъ не долженъ забывать, что „они“—это тѣ же нѣсколько эмигрантовъ, составившихъ Г. О. Т., а не дѣйствовавшіе въ Россіи чернопредѣльцы, которые растворились въ Н. В. и не социалдемократія, которая впоследствии пришла ей на смѣну. Вообще, авторъ, пишущій о наследствѣ, все время сбивается именно на эту группу, и ему логичнѣе и сподручнѣе было бы написать статью о наследіи Г. О. Т., отъ которой многіе русскіе социалдемократы, дѣйствительно, многое восприняли...

Но почему же все таки, подчеркнувъ два вышеприведенные пункта, „они сдѣлались социалдемократами“? Здѣсь кончаются права русской социалдемократіи вообще на наследство народовольцевъ и ихъ предшественниковъ, и съ этого пункта развитіе русской революціонной мысли теряетъ именно нормальный характеръ и даетъ крюкъ въ сторону,—подобно теченію рѣки, когда она встрѣчаетъ на своемъ пути большой и тяжелый утесъ, упавшій съ горъ. Продолжать дѣло предшественниковъ, которые „особенно подчеркнули“ городской пролетариатъ, но у которыхъ было „мало жнецовъ“ для сбора обильной жатвы; видоизмѣнять и совершенствовать остальные пункты ихъ цѣлостной и гибкой программы,—такова была естественная и логически намѣчавшаяся задача новыхъ работниковъ. Но перваго имъ показалось мало, а все остальное, какъ ненужное, было ими выброшено. Мало было подчеркнуть значеніе пролетариата: онъ и его насущные интересы исключительно овладѣли вниманіемъ революціонеровъ. И если съ точки зрѣнія

*) Примѣръ—тотъ же г. Ленинъ: когда читаешь его, страшно становится за Мартынова.

революционизированія пролетаріата между тѣмъ и другимъ существенной разницы нѣтъ, то такая исключительность имѣла слѣдствіемъ другое, — а именно: совершенное исключеніе крестьянства изъ поля зрѣнія революціонера. Эти труженики-собственники должны были пойти на смарку, превратиться или въ буржуа-эксплуататоровъ, или въ чистыхъ пролетаріевъ-наемниковъ. Авторъ статьи о наслѣдствѣ объясняетъ намъ и причины такого скачка въ сторону во взглядахъ новаго поколѣнія, оставившаго за бортомъ исторіи многомилліонную и подавляющую массу трудового населенія: они заключаются въ томъ, что новые дѣятели, въ противоположность старикамъ, не сообразовали своихъ взглядовъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, а искали въ „ея (дѣйствительности) тенденціяхъ объективныхъ элементовъ для своей дѣятельности“. Мало того, онъ утверждаетъ, что даже тогда, 20 лѣтъ назадъ, „для всякаго вдумчиваго наблюдателя (т. е. такого, который ищетъ объективныхъ элементовъ не въ реально существующемъ, а въ предполагаемомъ, въ тенденціяхъ) очевидно было, что Россія вступила на путь капиталистическаго развитія“, который имѣетъ свои непреложные законы и въ силу которыхъ неизбежно исчезновеніе крестьянства, сколько бы его тамъ ни было. Другой членъ группы „Борьба“ и сосѣдь Невзорова по брошюрѣ, Н. Рязановъ, проявляетъ въ этомъ отношеніи гораздо больше скромности. Такъ, по поводу моды смѣяться надъ семидесятниками, онъ говоритъ: „этотъ смѣхъ доказываетъ только безусловную неспособность стать на историческую точку зрѣнія. „Мы“, конечно, поступили бы иначе, но, къ сожалѣнію, „насъ“ тогда не было“. Что Невзоровъ забѣжалъ впередъ и доказалъ свою „не-способность стать на историческую точку зрѣнія“ — это вѣрно. Но интересно знать, какъ „мы“ будемъ разбираться въ противорѣчіяхъ между „дѣйствительностью“ и „тенденціями“? Этотъ разборъ уже начинается, и уроковъ дѣйствительности дала уже не мало. Результатомъ социалдемократической исключительности, наложившей запретъ на деревню, было то, что слово революционной пропаганды совсѣмъ почти не достигало до крестьянъ и что даже тѣ революціонные элементы, которые были разсыяны по деревнямъ и могли бы работать среди крестьянъ, этого почти не дѣлали: съ ростомъ же движенія, потокъ силъ, естественно тяготившихъ къ деревнѣ, увеличился бы несомнѣнно, если бы пригодные для деревни работники не встрѣчали постоянного отпора въ господствующихъ взглядахъ. И теперь, когда деревня сумѣла накопить въ себѣ и проявить на дѣлѣ столько революціонной энергіи, и еще болѣе пообшарать въ будущемъ, — теперь, кажется, не трудно уже понять, что нынѣ вспыхнувшее движеніе крестьянъ и раньше созрѣло бы, и размѣры имѣло бы иные, и качественно было бы другимъ, — т. е. признать, что доктринерское игнорированіе деревни было, во всякомъ случаѣ, проигрышемъ для русской революціи. Затѣмъ, жизнь показала, что крестьяне-соб-

ственники, какъ ни грабятъ ихъ правительство и поддерживаемые имъ хищники чумазые, не хотятъ стать безземельными и не могутъ превратиться въ чистыхъ пролетаріевъ. Наконецъ, въ результатъ того же устраненія крестьянства изъ поля зрѣнія социалиста—плачевная растерянность русской социалдемократіи передъ ясно выраженными запросами десятковъ милліоновъ русскихъ представителей труда, симптомы которой отмѣчены въ настоящей статьѣ. Не придется ли и „намъ“, по примѣру прежнихъ поколѣній, начать смотрѣть въ жизнь, а не только въ книжку и, не теряя изъ виду „тенденцій“, сообразовать свою дѣятельность съ „самой дѣйствительностью“?

Здѣсь у мѣста будетъ остановиться на выходкѣ Невзорова по адресу отцовъ-народовольцевъ, упомянутой въ началѣ статьи. Трудно, конечно, выяснитъ съ точностью мотивы ея,—но она носитъ характеръ того же заблганія впередъ и имѣетъ связь съ той же растерянностью; а впоследствии, пожалуй, она дастъ какому-нибудь другому „историку русской революціонной мысли“ поводъ, ссылаясь на Невзорова, утверждать, что русская социалдемократія дѣятельно работала среди крестьянства, а Н. В. выключила деревню изъ круга своихъ идей. Невзоровъ говоритъ:

«Для тѣхъ, кто склоненъ обвинять русскую социалдемократію въ «игнорированіи» крестьянства, слѣдуетъ замѣтить, что такой упрекъ, если къ кому и приложимъ, такъ именно къ партіи Народной Воли. Именно Народная Воля заявила, что «сидѣть въ народѣ», работать среди крестьянства—это значить «биться, какъ рыба объ ледъ».

Неужели Невзоровъ не понимаетъ, какъ странно противопоставлять дѣятельность социалдемократіи среди крестьянства „игнорированію“ крестьянства Народной Волей? А затѣмъ, оперировать отдѣльной фразой,^{*)} принадлежащей отдѣльнымъ лицамъ и сказанной по опредѣленному поводу, нужно съ большою осторожностью, умѣя во время сдержатъ свой полемическій пылъ. Вѣдь, изъ того, напр., что нѣкоторые чернопредѣльцы (еще въ то время, когда Ч. П. не продѣлывалъ эволюціи въ своихъ политическихъ взглядахъ) высказывали въ своемъ органѣ, что они ничего не имѣютъ противъ политической свободы, не слѣдуетъ же, что именно Ч. П. отстаивалъ политическую борьбу, — какъ ни хотѣлось бы Невзорову реабилитировать жизнеспособность родоначальниковъ Г. О. Т. Еще съ меньшимъ правомъ можно сказать, что игнорировала крестьянство именно Н. В., — которой приходилось не только выдвигать на первый планъ идею политической борьбы, но и вести борьбу, у которой, по условіямъ времени было

^{*)} Кстати, выраженіе «биться какъ рыба объ ледъ», которое встрѣчается, напр., въ „запискахъ землеvolца“, относится еще ко времени до Воронежскаго сѣзда; помимо другихъ причинъ, коренившихся въ условіяхъ тогдашней борьбы, это выраженіе находить себѣ объясненіе въ антагонизмѣ двухъ фракцій «Земли и Воли». Здѣсь опять Невзоровъ хронологически не точенъ: эффектиче было бы уже сказать, что землеvolцы игнорировали крестьянъ.

мало силъ („мало жнецовъ“) и которая тѣмъ не менѣе включила крестьянъ въ свою программу. Но это даже не главное. Главное — это общее міровоззрѣніе народовольцевъ и, какъ его частность, ихъ „народническія воззрѣнія“, которыя отмѣчаетъ Невзоровъ, но значенія которыхъ онъ не понимаетъ. Въ это міровоззрѣніе крестьянство входило, наряду съ пролетаріатомъ, какъ жизнеспособный классъ трудящагося населенія, какъ одинъ изъ фундаментовъ будущаго строя. И Невзоровъ не понимаетъ, что нельзя игнорировать базиса, на которомъ предполагаешь строить, потому что нельзя строить, не работая, не прилагая силъ, не формируя матерьяла. Не понимаетъ онъ и того, что „народническія воззрѣнія“, очищенные отъ народовольческихъ увлеченій, составляютъ весьма существенную и цѣнную часть наслѣдства, завѣщаннаго намъ отцами. Резюмируемъ: народовольцы не могли игнорировать крестьянства; они не признавали и не могли признать неизбежность пролетаризаціи крестьянъ и принять цѣликомъ доктрину, ставящую наступленіе социалистическаго строя въ исключительную зависимость отъ предварительной общественной дифференціаціи; оставаясь социалистами, они понимали, несмотря на знакомство съ „марксистскимъ методомъ“, что крестьянскаго вопроса нельзя рѣшить, закрывъ на него глаза.

Отъ этого наслѣдства русская социалдемократія отказалась. Невзоровъ, сынъ, видитъ заслугу социалдемократовъ въ томъ, что принятое у поколѣнія отцовъ понятіе: „рабочій народъ“ — они замѣнили „точнымъ и опредѣленнымъ понятіемъ „пролетаріатъ“, и называетъ эту замѣну „пріумноженіемъ“ наслѣдства. Нѣтъ, — именно тогда социалдемократы отреклись отъ наслѣдства, когда подмѣнили болѣе широкое понятіе болѣе узкимъ, часть поставили на мѣсто цѣлаго и завели въ тупикъ развитіе социалистической мысли.

Часть социалдемократовъ пытается теперь выбраться изъ этого туника, какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ другихъ спорныхъ вопросахъ*). Часть, выбираясь по однимъ пунктамъ, еще болѣе запутывается по другимъ (аграрная программа „Искры“ и „Зари“). Ихъ эволюція еще не закончена, но мы не теряемъ надежды на то, что, вспомнивъ во время о „наслѣдствѣ“ предшествующихъ революціонныхъ поколѣній, они расширятъ еще свою программу.

*) См. ст. „Эволюція социал. мысли“.

ИЗДАНИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ
И АГРАРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИГИ.

(„НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА“)

1. Какъ министръ заботится о крестьянахъ. 1-ое изд. экз.	1.000
	2 ое—3.000
2. Какъ венгерскіе крестьяне боролись за свои права.	1.000
3. Крестьянскіе союзы въ Сициліи. 1-ое изд.	2.000; 2-ое—10.000
4. Бесѣды о землѣ. 1 изд.	2.000: 2-ое—10.000
5. Разказы изъ русской исторіи. Часть 1-я 1-ое изд.	2.000
	2-ое—5.000
6. Тоже. Часть п (до Николая I)	10.000
7. Долой полицію.	4.000
8. Воля царская и воля народная.	4.000
9. Голодъ и самодержавіе.	4.000
10. Царское правительство и рабочій народъ,	10.000
11. За вѣру, царя и отечество. Разказъ И. Вольнаго.	10 000
12. Сказаніе о гордомъ царѣ. Ф. Волховскаго.	10.000

ПЕЧАТАЕТСЯ:

13. Какъ полтавскіе крест'яне у помѣщиковъ землю отбирали.

ИЗДАНИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВЪ.

1. Реформа Вавновскаго.	Экз. 2.000
2. 19-ое февраля.	2.000
3. Вторая воля.	2.000
4. Долой самодержавіе!	3.000
5. Красное знамя (первомайскій сборникъ).	5.000
6. О податяхъ и налогахъ.	2.000
7. Отчего студенты бунтуютъ?	1.000
8. Откуда пошло крестьянское раззореніе?	500
9. Царь-Голодь.	10.000
10. Ко вѣмъ работникамъ революціоннаго социализма въ Россіи (изд. Крест. Союза).	5.000
11. Неужели такъ надо?	2.000
12. Ко всему русскому крестьянству (изд. Кр. Союза).	10.000
13. Террористическій элементъ въ нашей программѣ (отдѣльный оттискъ изъ „Рев. Россіи“).	5.000
14. Памяти С. В. Балмашева.	5.000
15. Народный герой (Ө. К. Качуръ).	15.000
16. Батумская бойня.	10.000
17. Эволюція русской социалистической мысли (отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстн. Русской Революціи“).	2.000
18. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости.	1.000
19. Несправедливое устройство русскаго государства (изд. Крест. Союза).	10.000
20. Крестьянское Дѣло, № 1 (мѣстной группы)	300
21. Народное Дѣло №№ 1 и 2 по	5.000
22. Революціонная Россія №№ 1—15 отъ 1000 до	10.000
23. Вѣстникъ Русской Революціи №№ 1 и 2 по	2.000
24) Помогайте вольной печати!	3.000
25) Демонстранты передъ судомъ	5.000
26) Солдатскій подвигъ. Разсказъ К. Миронова.	10.000
27) Къ Крестьянскому вопросу А. Рудина.	2.000

0,90 (1986)

4930 y

ЛЛ

2.000

2.000

2.000

2.000

2.000

2.000

1.000

500

10.000

5.000

2.000

10.000

5.000

5.000

5.000

15.000

10.000

2.000

2.000

1.000

10.000

2.000

2.000

2.000

10.000

2.000

2.000

2.000

10.000

2.000

2.000

1. 19-го февраля.
2. Письмо к...
3. Деловый документ.
4. Письмо к...
5. Письмо к...
6. О...
7. О...
8. О...
9. Письмо к...
10. Не...
11. Письмо к...
12. К...
13. Тер...
14. Письмо к...
15. Письмо к...
16. Письмо к...
17. Письмо к...
18. Письмо к...
19. Письмо к...
20. Письмо к...
21. Письмо к...
22. Письмо к...
23. Письмо к...
24. Письмо к...
25. Письмо к...
26. Письмо к...
27. Письмо к...

PA 4930